УДК 130.2
Науч. спец. 5.7.8
DOI: 10.36809/2309-9380-2026-52-31-35

Нина Геннадьевна Зенец
Омский государственный медицинский университет, доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Омск, Россия
e-mail: df_zenec@mail.ru

Марина Викторовна Чалдышкина
Омский государственный медицинский университет, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Омск, Россия
e-mail: MarinaChald@yandex.ru

Формы репрезентации фундаментальных способов существования культуры видения и слышания в условиях цифровой парадигмы

Аннотация. Обращение к фундаментальным способам бытия культуры — видению и слышанию — обусловлено принципиальными изменениями, произошедшими в конце XX в. и повлекшими за собой глобальные преобразования форм репрезентации культуры. Появление цифровой реальности изменило традиционные формы существования культуры. Поэтому возник вопрос: как видение и слышание репрезентируют культуру в условиях цифровизации? В статье исследуются исторические формы существования видения и слышания в новоевропейской культуре и их трансформация в эпоху цифровизации. Цифра задает новую оптику, где смыслы и символы культуры — это лишь виртуальная реальность, в которую погружен современный человек. Утверждается, что творческий акт сохраняет человеческую способность создавать мир культуры, воспроизводить его в искусственных формах, придавать этому миру символический смысл.

Ключевые слова: культура, цифровизация, видение, слышание, творческий акт.

Nina G. Zenets
Omsk State Medical University, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Omsk, Russia
e-mail: df_zenec@mail.ru

Marina V. Chaldyshkina
Omsk State Medical University, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Omsk, Russia
e-mail: MarinaChald@yandex.ru

Representation Forms of Fundamental Modes of Culture's Existence of Seeing and Hearing Within the Digital Paradigm

Abstract. The appeal to the fundamental ways of being of culture: vision and hearing, is due to the fundamental changes that occurred at the end of the 20th century and led to global changes in the representation forms of culture. The emergence of digital reality has changed the traditional forms of existence of culture. Therefore, the question arose of how vision and hearing represent culture in the context of digitalisation. The article explores the historical forms of vision and hearing in the New European culture and their transformation in the age of digitalisation. The digital realm establishes a new perspective in which the meanings and symbols of culture are only a virtual reality in which the modern man is immersed. It is argued that the creative act preserves the human ability to create a world of culture, reproduce it in artificial forms, and give this world a symbolic meaning.

Keywords: culture, digitalisation, seeing, hearing, creative act.

© Зенец Н. Г., Чалдышкина М. В., 2026

Для цитирования: Зенец Н. Г., Чалдышкина М. В. Формы репрезентации фундаментальных способов существования культуры видения и слышания в условиях цифровой парадигмы // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2026. № 3 (52). С. 31–35. DOI: 10.36809/2309-9380-2026-52-31-35

Статья доступна на условиях лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Введение (Introduction)

Появление цифровых технологий в конце XX в. трансформировало традиционные формы существования культуры. Ранее доминировавшие формы репрезентации культуры — текст, слово, символ, знак — сменились на цифровые аналоги и алгоритмы, которые подменили собой символическое пространство культуры. В связи с этим становится актуальным вопрос: что сохраняет символический мир культуры в новых условиях?

Методы (Methods)

В качестве методов исследования были взяты ретроспективный историко-философский анализ видения и слышания как способов бытия культуры, аналитический метод, позволивший рассмотреть изменения форм репрезентации видения и слышания в условиях цифровой реальности. Кроме того, использовался феноменологический метод в описании новых явлений современной культуры.

В начале XX в. сформировался подход к культуре, где она исследовалась с точки зрения ее кризисного состояния. Философы, писатели, поэты, культурологи в один голос заговорили о кризисе культуры, о ее умирании; она в их представлениях расплавлялась под натиском стихийных преобразований нового миропорядка. «Куда всё это делось — вся масса литого золота исторических форм идей? — писал О. Мандельштам в начале XX столетия, — вернулась в состояние сплава, в жидкую золотую магму... а то, что выдает себя за величие, — подмена, бутафория, папье-маше?» [1, с. 194]

Однако наступил XXI в. и стало очевидно, что прогресс в науке развивается небывалыми темпами и культура, вопреки всем прогнозам и предсказаниям, не «умерла», а, напротив, предъявляет всё новые и новые свои достижения, рождая новые образы, стили, жанры, изменяя средства выражения. И хотя «энергия», вызываемая наложением идеально должных целей на реальную жизнь, оказалась исчерпана, так как европейское сознание перестало соотносить фактичность жизни с идеальными образцами, которыми служили такие идеи, как идея Блага, Истины, Красоты, Справедливости, возникли иные источники для творчества: свобода выбора целей и этических ориентиров, таких как индивидуализм, плюрализм, эгоцентризм и фаллоцентризм как форма вырождения логоцентризма. Демонстрация инстинктов начала расцениваться как свобода выражения, как попытка заглянуть в закулисье человеческого «я», сбросить бесконечно навязываемые общественным мнением стереотипы и маски, это стало трендом современной культуры.

Эта энергия ничем не ограниченной свободы, проявляющаяся в демократических лозунгах, проповедях свободного искусства, в выборе форм выражения и поведения, дошла до крайностей — вплоть до стирания половой принадлежности. С одной стороны, такая тенденция привела к деградации традиционных представлений о человеке, культуре, о ее прогрессе; с другой стороны, как и любое новое веяние, породила множество новых культурных выразительных форм. Мир предстал в виде инсталляций и перформансов, ожил в интерактивных проектах, медийных программах, клипах. Эстетика, подчас доминирующая над этикой, начала манипулировать этическими ценностями, что в новых культурных реалиях нашло свое выражение в формах этического плюрализма.

Изменение мира и культуры с неизбежностью влечет за собой и изменение человека, так как культура только и может существовать благодаря человеку. Можно сказать, что способы бытия культуры определяются человеческой способностью открывать мир, воспроизводить его в искусственных формах, придавать этому миру символический смысл. «Так, археологи никогда не находят останков, которые они могли бы назвать принадлежащими человеческому виду, не находя при этом и других останков не только орудий, первичных мотыг и лопат, но и вещей совершенно бессмысленных и бесполезных: изображений, которые будут потом называться наскальной живописью, так как они явно символические изображения мира» [2, с. 20].

На наш взгляд, это связано с фундаментальными базовыми способами воспроизведения человеческой реальности: «видением» и «слышанием». Только человек способен охватывать «взором» мир в целом и слышать его во всей его полноте. Речь не идет о психофизиологических актах. Если бы человек мог видеть, слышать, осязать только природным способом, т. е. глазами, ушами и т. п., он никогда бы не стал человеком, оставаясь в рамках природного бытия. Но человеческая природа такова, что даже такие способы обнаружения себя в мире, как видение, слышание, осязание, не являются чисто биологическими, они всегда сплетены с сознанием. Поэтому благодаря им мир и может открыться как символический, как мир культуры. В этом смысле видение и слышание являются способами обращения человека к бытию и одновременно универсальными способами существования культуры. Именно человеческая способность особым образом видеть и слышать превращает мир — в мир культуры, а реальность — в символическую реальность.

Видение и слышание как способы бытия культуры реализуются в той среде, в которой живет человек. Поэтому этот процесс зависит от уже имеющихся культурных условий. Другими словами, человек репрезентирует культуру благодаря фундаментальным способам бытия культуры, видению и слышанию, но при этом репрезентирует ее в смыслах, ценностях, идеях той культурной среды, в которой он существует. Обращаясь к мысли К. Свасьяна, можно сказать, что человек — это действительно «творец и творение культуры» [3].

Литературный обзор (Literature Review)

Уже в Античности в учении Платона мы находим, что видение выходит за рамки простого физического акта восприятия. Оно является актом духовного, сверхчувственного постижения божественной реальности, непосредственным вглядыванием в незримое. Другими словами, это опыт трансцендирования, в котором душа способна выйти из платоновской пещеры, где ее взору доступны лишь тени, и начать созерцать Истину. Как отмечает А.-Ж. Фестюжьер, это видение, которое «…не является ни рациональным постижением сущностей, или первоначал, ни рефлексией

над ними. <…> θεωρία означает большее: она означает чувство присутствия, контакт с бытием, постигнутым в его существовании. Это постижение предшествует как речи, так и рассудочному познанию» [4, с. 5–6].

Платоновская θεωρία (созерцание, размышление) как способ открыться Бытию, стоять в «просвете Бытия» (М. Хайдеггер) свидетельствует о том, что греческий мир — это символический мир культуры. В поздней Античности видение получило развитие у Плотина.

У Плотина вечная душа стремится к единению с истиной, для чего у нее есть несколько путей: добродетельная жизнь, упражнения в философии и непосредственный мистический опыт, в котором душа созерцает истину. Созерцающая ум душа оказывается способной породить любовь, «которая есть взор, наполненный видением, зрением, содержащим видимый им образ» [5, с. 85]. Есть точка зрения, согласно которой само греческое слово «любовь» — Ἔρως — происходит от греческого ὅρασις — зрение. Известно, что у греков было несколько слов для обозначения любви: φιλία (любовь к друзьям), ἀγάπη (жертвенная любовь), στοργή (любовь к родичам), λοῦδος (любовь-игра), φιλαυτία (любовь к себе) и ερως (чувственная любовь). Именно эрос, согласно философии Платона, мог быть направлен на занятия философией, необходимой человеку для постижения божественной истины.

Таким образом, можно сказать, что культура трансформируется с изменением видения и слышания. В зависимости от того, как презентуется реальность, мир культуры меняется. В греческой культуре именно видение превратило реальность в культурную реальность, трансформируя ее в творческом акте, где человек открыл для себя символический мир как свое бытие. Иными словами, символический мир культуры — это и есть истинно человеческий мир, где человек существует в качестве творца культуры, благодаря своей способности видеть и слышать.

После Платона западная культура стала выстраиваться посредством видения. Но и слышание получило свое развитие, сохранилось в культуре христианства благодаря тому, что христианство не только связано с учением неоплатоников, но и уходит своими корнями в иудаизм. Не будем забывать, что для современников Христа христианство было не более чем сектой, отпавшей от истинного учения — древнееврейской Торы. Именно иудаизм с его методом устной передачи вероучения — устной Торы — от отца к сыну, от учителя к ученику требовал непосредственного вслушивания в Истину. Здесь можно вспомнить, что слово εὐαγγέλιον переводится как благая весть: εὖ (эу) — хорошо, благо, добро; ἀγγέλιον (ангелон) — весть, сообщение, послание. Поэтому «…христианству… противопоказано, чтобы к нему привыкали. …В христианстве что-то раскрывается тем, к кому оно приходит, как новость» [6, с. 280]. Перефразируя слова апостола Павла, наш современник и исповедник веры А. Сурожский в проповеди «Как вы слышите» писал: «Берегитесь, как вы слышите: неужели это только звук, который проходит мимо вас? Или же это слово — как зерно, которое падает на добрую почву с тем, чтобы принести плод?» [7, с. 16]

В эпоху Средневековья видение стало способом постижения Бога. Бонавентура, верный учению о Троице, учил, что есть три способа постижения Бога, и первый из них — созерцание мира, через разумное устроение которого открывается божественная мудрость. Тварный мир — это «…зеркало Божие, теофания ("круг зеркала, воспринимаемого чувствами мира"), *в нем* (*per speculumu in speculo* — уточняет Бонавентура) можно и должно видеть Бога…» [8, с. 185].

В эпоху Ренессанса Н. Кузанский, опираясь на учение Бонавентуры и Августина Блаженного, развил собственное оригинальное учение, в котором видение из акта теофании — открытия божественного присутствия в мире — становится частью человеческой природы, благодаря чему божественным зеркалом является сам человек. Теперь человек не столько вглядывается в предметы мира, чтобы узреть в мире присутствие его Творца, сколько наделяет себя и окружающий его тварный мир самодостаточным онтологическим статусом. Таким образом, видение уподобляет человека Творцу. Человек становится в собственных глазах подобным Богу, откуда уже один шаг до теоретического знания новоевропейской науки, препарирующей окружающий мир в соответствии с собственным представлением: «Теоретик агрессивно перерабатывает эмпирию в нужном, заранее известном ему направлении. Вещи доводятся до пределов своего вещественного существования, так чтобы обнажилась их идеальная сущность, вразумительный ответ извлекается из них, как душа из тела» [9, с. 21].

В Новое время, по мысли М. Хайдеггера, сам мир превращается в представляющую картину, становится конструктом, создаваемым научной парадигмой. Картина мира возникает в результате деятельного отношения человека к реальности, его активной воли по ее преображению. Хотя наука, будучи особым родом человеческой активности, имеет свои границы и остается частью культурного целого, именно она становится вектором дальнейшего развития и новым способом видеть мир как объект для познания и преобразования в соответствии с человеческим замыслом.

М. Хайдеггер в работе «Время картины мира» предвидел будущий разворот культуры к тотальной визуальности. Символическая культура Античности, Средневековья, Возрождения, силящаяся укоренить человека в бытии (здесь можно вспомнить прекрасный образ А. Тарковского человека как моста, связующего мир природы и символический мир культуры), уступила место визуальной культуре, существующей лишь за границей экрана монитора компьютера, телевизора, рекламного щита. «Сегодня… положение дел уже таково, что у нас почти отсутствует выбор — мы захвачены этой пролиферацией образов, становлением-образом мира на экранах, становлением-образом нашей вселенной, превращением всего в образное», — писал Ж. Бодрийяр [10, с. 91].

В каком-то смысле мы продолжаем жить в парадигме новоевропейской культуры, с тем лишь отличием, что за научным познанием всё еще был пафос — пафос постижения истины. В то время как современная нам культура постмодерна, отказавшись от метанарративов, расширяется и окружает современного человека визуальными образами, «которые не только как обычно репрезентируют реальность,

но в большей степени создают ее, активно и подчас агрессивно формируя мировосприятие» [11, с. 9].

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Появление цифровой реальности повлекло за собой возникновение новых форм репрезентации видения и слышания как способов существования культуры. Цифровые алгоритмы формируют видение и слышание на основе запросов интернет-пользователя. Пространство культуры создается иммерсионными технологиями, где стираются границы между «естественным» и «искусственным» восприятием. «Восприятие культурного опыта становится менее последовательным: внимание концентрируется не на длительном анализе информации, а на быстром переключении между отдельными сообщениями, изображениями и визуальными элементами» [12, с. 182]. Культура становится своеобразным информационным полем, цифра открывает неограниченную свободу в выборе способов и форм выражения, здесь смыслы и ценности могут представляться с точностью до наоборот, подобно тому как в квантовой физике включенность наблюдателя схлопывает волновую функцию, определяя лишь один вектор реальности. И цифра способна определить культурный вектор, случайно реализовавшийся в настоящий момент. Поэтому сегодня так актуальны культура мемов, клиповое мышление, вирусные ролики.

Здесь уже не стоит вопрос об истине. Видение современного человека презентует мир как поле виртуальных экспериментов, где человек лишь агент определенных цифровых манипуляций. Сегодня в том виде, в каком оно присутствует в культуре, видение больше не открывает нам ни Бога, ни Другого, ни Бытие. В современной культуре видение трансформировалось в режим «смотрения». Здесь исчезает необходимость внимательного продумывания, творческого осмысления того, что человек охватывает взглядом. В результате исчезает глубина, но появляется поверхностность, всеохватывающая, всепоглощающая. Можно сказать, что современная культура пребывает в онтологической ситуации «упрямой слепоты» (М. К. Мамардашвили), которая выражается, прежде всего, в невозможности экзистенциальной включенности современного человека в те символы, которые олицетворены в смыслах культуры. Процесс превращения символа в цифру можно сравнить с «онтологической редукцией». При конвертации символа в цифру происходит отсечение «избыточной» семантики. Здесь символ подвергается своеобразному «эпохэ» (Э. Гуссерль), в итоге остается только знак. Знак отличается от символа, он лишен многозначности. В результате происходит схлопывание пространства культуры. Как отмечает В. А. Лекторский, «становится все более очевидным, что цифровизация и искусственный интеллект — не просто новый технологический уклад, это вызов ряду кардинальных ценностей культуры» [13, с. 159].

В какой мере в условиях цифровой культуры сохраняется главная характеристика культуры — ее символичность?

Символ как основополагающий принцип существования культуры содержит в себе три важных аспекта: символ есть не просто отражение реальности, это отражение, включающее в себя смысл. В то же время символ есть специфическая реальность, существующая только в связке с сознанием человека, что придает символу субъектность. Будучи отражением реальности в сознании человека, символ творчески изменяется вместе с реальностью. Символ способствует полноте схватывания мира, а также активной внутренней работе воспринимающего разума. Это недоступно искусственному интеллекту, но возможно для человека, способного создавать символический мир культуры в творческом акте. Именно в творческом акте бытие схватывается как целое. В то же время происходит конституирование символического мира. Творческий акт человека невозможно оцифровать. Даже самый продвинутый искусственный интеллект способен лишь манипулировать цифровыми кодами, создавая разного рода имитации мира культуры, но не саму культуру. Сама культура может родиться только благодаря творческому акту. Искусственный интеллект только «изображает жизнь, но не является живым» [14, с. 125].

Как справедливо отмечает Т. Г. Лешкевич, «эпоха “чувствующих машин” даже в самых оптимистичных прожектах, видимо, дело будущего. В настоящий момент правомерен вывод, что как моральные переживания, так и свойственная каждому человеку многообразная палитра чувств — чувства стыда, справедливости, любви, милосердия, ненависти, боли, героизма и пр. — не могут быть связаны с формальными числовыми значениями “алфавита операций”» [15, с. 37–38].

Заключение (Conclusion)

Таким образом, формы репрезентации культуры зависят от видения и слышания как фундаментальных способов бытия культуры. Однако, на какие ценности и идеалы будет направлена культура, зависит от способности человека создавать и удерживать собой символический мир культуры, так как только человек способен на творческий акт, в котором культура обретает свою реальность.

1. Мандельштам О. Э. Пшеница человеческая // Собр. соч. : в 2 т. Т. 2 : Проза / сост. и подгот. текста С. С. Аверинцева и П. М. Нерлера ; коммент. П. М. Нерлера. М. : Художественная литература, 1990. С. 191–195.

2. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. СПб. : Азбука, 2014. 608 с.

3. Свасьян К. А. Человек как творец и творение культуры // Вопросы философии. 1987. № 6. С. 132–136.

4. Фестюжьер А.-Ж. Созерцание и созерцательная жизнь по Платону. СПб. : Наука, 2009. 497 с.

5. Плотин. Эннеады / пер. с древнегреч. С. И. Еремеев [и др.]. Киев : УЦИММ-ПРЕСС, 1995. 398 с.

6. Аверинцев С. С. Христианство в истории европейской культуры // Аверинцев С. С. Другой Рим : избр. ст. СПб. : Амфора, 2005. С. 276–315.

7. Сурожский А. О слышании и делании. М. : Моск. подворье Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1999. 168 с.

8. Погоняйло А. Г. Зеркала и взгляды (De visione Dei) // Принцип «совпадения противоположностей» в истории европейской мысли : альм. СПб. : Нестор-История, 2011. С. 176–192.

9. Ахутин А. В. Эксперимент и природа. СПб. : Наука, 2012. 659 с.

10. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург : У-Фактория, 2006. 206 с.

11. Красноярова Н. Г. Философия и искусство в контексте визуальности современной культуры // Визуальные образы современной культуры: уральско-сибирские диалоги : сб. науч. ст. по материалам всерос. науч.-практ. конф. Омск : Амфора, 2012. С. 9–20.

12. Ардилян В. А. Культура цифрового внимания: трансформация механизмов восприятия в современной массовой культуре // Культура и цивилизация. 2026. № 4А. С. 177–189. DOI: 10.34670/AR.2026.41.33.019

13. Лекторский В. А. Цифровизация жизни как глобальный антропологический вызов // Лекции и доклады членов Российской академии наук в СПбГУП (2013–2023) / сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. Т. 5 : Доклады. СПб. : С.-Петерб. гуманитар. ун-т профсоюзов, 2023. С. 159–161.

14. Грибков А. А. Рождение субъектности у искусственного интеллекта: фантастика или реальная угроза? // Философские науки. 2026. Т. 68, № 1. С. 116–133. DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-1-116-132

15. Лешкевич Т. Г. Когнитивный техносимбиоз и субъектоподобные качества искусственного интеллекта // Философия науки и техники. 2025. Т. 30, № 2. С. 33–45. DOI: 10.21146/2413-9084-2025-30-2-33-45